

3. Б. <3. БУХАРОВА>

Новейшая русская литература

Слово «футуристы» имеет большое очарование для любителей острых, веселых и скандальных впечатлений. Поэтому неудивительно, что маленький зал Троицкого театра оказался переполненным до тесноты самой разнообразной публикой, от поэтов и критиков до учащейся и светской молодежи включительно.

Футуристы, как и подобает великим носителям мировой идеи, заставили себя подождать. Наконец занавес отдернулся и перед ошеломленными зрителями появился господин в желтой полосатой кофте, с большим бантом на груди и белым цветком в руке. Владимир Маяковский — один из столпов новой школы. С чувством собственного достоинства, твердым, убежденным тоном он начал пространную речь с опровержения несправедливо тяготеющего над футуристами обвинения в оскорблении Бальмонта. Лицо, произведшее скандал в подвале «Бродячей собаки», не имеет ничего общего с его единомышленниками. Затем перешел к разбору общих основ футуризма. Прежде, «когда города ходили на четвереньках», — можно было удовлетворяться поэзией старой школы, построенной на проповеди моральных, религиозных и иных нежелательных идей, не могущих быть предметом искусства. Но в наш век электричества и прочих достижений поэт должен быть мудр, как змий, должен быть «руководящей линией между жизнью и личным переживанием», т. е. должен быть футуристом. Для данного течения не может существовать никакого определенного смысла. Художнику безразлично, будет ли повешена его картина прямо или наоборот (?). Вершиной новой красоты является таинственное слово, изобретенное Ал. Крученых «Беламотокие». (В публике смех. Лектор

спокойно и холодно его выдерживает.) Вся без различия течений и настроений поэзия до футуристов определяется Вл. Маяковским как «серая масса» и всецело отвергается. Новая поэтическая эра считается с пресловутого стихотворения Хлебникова «О, засмейтесь смехачи», цитируемого оратором к великому удовольствию публики. Слово должно быть самоценно, должно изменять свой звуковой состав. Напр.: «У бе щур. Та са мая. Ха ра бал». (Хохот.) Или такие перлы: «Небо душно и пахнет выменем». «Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод, будем лопать пустоту». (Автор, очевидно, последователь излюбленной многими системы голодания.) Что перед этим, вопрошает автор, «кондитерские, парикмахерские образы Блока, Бальмонта, Брюсова и др.?». Под не умолкающее, хотя и вежливо-сдержанное веселье публики, г. Маяковский приводит еще несколько стихотворений своих сотоварищей, из которых один заявляет, что он «знойный, июльский тротуар», а женские поцелуи «падают с него, как окурки». Затем автор делает обратное сравнение старой поэзии с египтянами, для добывания электрических искр гладивших черных кошек и все же электричества не изобретших. Всякие открытия в области слова и искусства принадлежат исключительно им, футуристам, готовым бороться с целыми идейными течениями. Сказав еще нечто маловразумительное о служебном значении нового слова, «воздушного, как легкие, сплетающиеся в танце юноши и девы», оратор величественно удаляется.

После перерыва на эстраде показывается Ал. Крученых, длинноволосый юноша, симпатичного «неврастенического» облика, в обыкновенном платье, но с неизбежными белыми цветами и тонким, резким голосом пытается растолковать сущность литературно-грамматических теорий футуризма. Оказывается, впрочем, что футуристы для заявления о себе вообще «принуждены кричать». Они принуждены производить много и других неприятностей. Напр., отрицать правильность ударений, как делают это певцы былин. (Почему же забыты писаря и семинаристы?!) Неправильность ударения украшает речь подобно тому, как плевки украшают мостовую. (Хохот.) Пристрастие гг. футуристов к плевкам поистине удивительно. Недаром г. Крученых с таким трепетом задает себе и публике вопрос: «как изобразить плевки?»... и недоумевает вместе с вопрошаемыми. Неправильностям ударения предавался даже жалкий Пушкин, стихоплетство которого бесследно гаснет в сиянии футуристского гения, Виктора Хлебникова, творца бессмертных, новых слов «крылышко-вать», «неждарь» и пр. Материал слова, вообще, должен менять-

ся с каждым отдельным случаем и смущаться здесь не следует. Вместо «требуется», можно говорить просто «тра»; вместо нравится «нра». Под аккомпанемент гомерического хохота невозмутимый лектор неубедительно подтверждает свои доводы экскурсией в лингвистику. В области рифмы опять-таки целая революция. Относительно звукового и эстетического содержания букв г. Крученных впервые за весь вечер доказывает нечто интересное и приемлемое. Согласные дают настроение тяжести, быта, сущность земную. Гласные производят обратное действие: легкости, воздушности, оторванности от земли. Вот почему истинные поэты тяготеют к обилию гласных в своих строках. Но сейчас же сам портит приятное впечатление заявлением о том, что «корова и театр» «стол и стакан» вследствие совпадения согласных великолепно рифмуют между собой и что совсем необязательно говорить «белая лошадь». Можно сказать «лошадь белый». Сообщив затем окончательно развеселившимся слушателям, что у него самого есть стихотворение, написанное из одних гласных, но сострадательно не прочитав оно, симпатичный молодой лектор стремительно и внезапно исчезает с эстрады.

В антракте также не скучали. Центром всеобщего удовольствия был некий футурист, наглядно обозначивший свое высокое призвание индийской татуировкой на лице.

Третьим оратором выступил знаменитый Давид Бурлюк. Несколько секунд он безмолвно и снисходительно обзирал публику в модный, круглый лорнет, а затем, потрясая толстой пачкой газетных вырезок, начал громовую речь против «газетных пачкунов», «словно разъяренные быки, бросающихся на красные цвета футуризма». Лектор называет ряд почтенных, литературных имен, обливая их потоком грубых ругательств. Потрясенная такой невероятной наглостью, публика безмолвствует. Но зато, когда один из цитируемых Бурлюком журналистов называет футуристов «хулиганами литературы», зал оглашается единодушным взрывом сочувственных рукоплесканий. Тонем наглого вызова, усугубляемым вульгарнейшей дикцией, лектор проповедует «освобождение от традиции», обрушивается на Пушкина — «отца дурного вкуса, которого необходимо сокрушить» и в творчестве которого «нет ничего русского», и тому подобный вздор, к чему публика определенно относится так же, как к выступлениям «рыжего» в цирке. Минутами настроение обостряется, слышатся отдельные вопросы: «И вам не стыдно?», просьбы показать «великого» Хлебникова, оказавшегося скромнейшим молодым человеком и т. д. Цитаты поэтической и прозаической чепухи перестают, наконец, быть смешными, и лек-

тор заканчивает свой доклад, далеко не достигнув главной, заявленной им цели: объединения с аудиторией.

Бедные гг. футуристы! Ведь объединения этого они не добьются никогда. Никто из здравомыслящих людей никогда не примет всерьез «научных» доказательств сумасшедших.

Наши питаемые и направляемые Пушкиным вкусы будут всегда слишком грубы для восприятия их гениальных произведений!

